

С. П. БОТКИН ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ И ПАЦИЕНТОВ

А. А. Будко, Н. Г. Чigareва, Л. Д. Иванова

Военно-медицинский музей Минобороны РФ, Санкт-Петербург*

5 (17) сентября 2007 г. исполняется 175 лет со дня рождения Сергея Петровича Боткина — крупнейшего русского терапевта, выдающегося ученого и общественного деятеля, основоположника отечественной научной терапевтической школы, профессора Императорской медико-хирургической (Военно-медицинский) академии, участника крымской (1853—1855) и русско-турецкой (1877—1878) войн. В историю отечественной медицины С. П. Боткин вошел как выдающийся диагност, который отличался уникальной способностью к всестороннему анализу симптомов болезней и их особенностей у разных пациентов и считал своим основным гражданским долгом перед обществом избавлять людей от страданий. В своей практической врачебной деятельности благодаря настойчивости, любознательности и неустанному труду он достиг вершин профессиональных знаний и мастерства.

Самым любимым делом и смыслом жизни для С. П. Боткина было общение с больными и оказание им медицинской помощи. Н. А. Белоголовый вспоминал, что С. П. Боткину были свойственны «необыкновенная человечность, искреннее участие к страждущему, добросовестная точность и напряженная внимательность, с какими он исследовал каждого... При этом он был одинаково внимателен к богачу, соседу-мужику...» [1].

За годы врачебной деятельности С. П. Боткин облегчил страдания огромного числа людей разных возрастов и сословий, со многими из которых, помимо сугубо профессиональных взаимоотношений врача и больного, завязывалось знакомство, переходящее во взаимную привязанность и дружбу. В круг пациентов-друзей С. П. Боткина вошли многие знаменитости того времени: писатели, художники, артисты, ученые, государственные деятели различного ранга.

Еще в молодые годы, в период учебы за границей, судьба свела его с известным художником А. А. Ивановым — автором картины «Явление Мессии народу». Волнения, связанные с перевозкой последней из Италии в Россию, привели к носовым кровотечениям, и художник обратился к С. П. Боткину с просьбой о консультации [2], на что тот ответил без промедления: «С железной дороги приезжайте прямо с вещами ко мне и располагайте моей комнатой так, как Вашей собственной» [3]. С. П. Боткин, осмотрев художника, рекомендовал принимать препараты железа, и вскоре А. А. Иванов сообщил: «Здоровье мое совсем поправилось» [4]. Уже тогда у начинающего врача С. П. Боткина проявились лучшие человеческие качества и профессиональная компетентность.

В августе 1860 г. С. П. Боткин вернулся из-за границы в Петербург; городской практикой он тогда занимался нерегулярно, сосредоточившись на работе в академии, и как врач был практически не известен. Однако уже через год имя С. П. Боткина повторяли не только на кафедрах, в конференции академии, в музыкальных и литературных кругах Петербурга, но и во многих городских кварталах, куда все чаще стали приглашать «доктора Боткина». Немаловажное значение имел тот факт, что С. П. Боткин всегда сочувствовал больному и переживал за него, чем прославился в столице и по популярности мог соперничать с московским терапевтом Г. А. Захарьиним. В этот период в числе его пациентов оказались Н. А. Добролюбов, Д. И. Менделеев и многие именитые коллеги по Медико-хирургической академии (МХА).

В связи с длительным, но безуспешным лечением за границей начинающегося туберкулеза легких Н. А. Добролюбов, уступив настойчивым просьбам А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, обратился к С. П. Боткину. Последний, понимая, что тот погибает от чахотки, навещал его, приносил лекарства, подбадривал, но отмечал, что ни лекарства, ни попытки поддержать в больном бодрое состояние духа не дают эффекта. Видя это, С. П. Боткин тяжело переживал каждый свой визит к нему: «Я хоть и доктор, а бывало, два раза подумаю, прежде чем к нему ехать; уж очень тяжело было его нравственное состояние перед смертью» [5].

Когда хворал кто-либо из его близких друзей — И. М. Сеченов, Э. А. Юнге или Л. А. Беккурс, С. П. Боткин не раздумывая спешил к ним и много времени проводил рядом, превращаясь из лечащего врача в заботливую, терпеливую сиделку.

Почти полувековая дружба связывала С. П. Боткина с И. М. Сеченовым. Впервые они познакомились, будучи студентами Московского университета, позднее встречались в лучших клиниках и лабораториях Европы, где проходили усовершенствование в науках. За границей друзья много времени посвящали занятиям, но умели и от души повеселиться. «У меня с Боткиным, — писал И. М. Сеченов, — занятия продолжались с утра до 6 часов вечера... После занятий компания очень часто сходилась вместе с заслуженным в течение дня правом веселиться. Душою коллектива и запевалой был жизнерадостный Боткин... Он и Беккерс были большими любителями немецкой музыки... поэтому два раза в неделю по вечерам они неизбежно таскали меня на концерты» [6].

Общность интересов и стремление принести пользу родному отечеству делали их дружбу крепкой и нерушимой. Когда у И. М. Сеченова сильно воспалились глаза, С. П. Боткин часто заглядывал к нему и ухаживал за больным другом. И. М. Сеченов весьма высоко ценил исключительную способность С. П. Боткина к распознаванию и прослеживанию динамики заболеваний, анализу и синтезу полученных фактов и установлению точного диагноза: «Тонкая диагностика была страстью Боткина, и в приобретении способов в ней он упражнялся столько же, как артисты вроде Ант. Рубинштейна упражняются в своем искусстве перед концертами» [6].

В доме у И. М. Сеченова состоялась первая встреча С. П. Боткина с Д. И. Менделеевым, в то время молодым ученым, автором только что вышедшего отличного учебника по органической химии. С. П. Боткин не оставил без внимания просьбу Д. И. Менделеева о консультации и, обследовав пациента со свойственной ему тщательностью, успокоил, о чем Д. И. Менделеев сделал такую запись в дневнике: «Ездил в Общество, деньги получил, а потом к Сеченову. Там Боткин осмотрел меня — говорит ничего, только простуда» [7]. Дружба С. П. Боткина с выдающимся ученым-химиком продолжалась в течение всей их жизни. Этому способствовала и совместная работа в Медцинском совете, где оба состояли совещательными членами.

Одним из благодарных пациентов С. П. Боткина с первых лет его профессорской деятельности был А. И. Герцен. Их встреча состоялась в 1859 г., а спустя 6 лет С. П. Боткин выступил уже в роли врача-консультанта, поскольку А. И. Герцен был болен диабетом и его беспокоил фурункулёз, доставлявший немало неудобств. Приглашенный С. П. Боткин внимательно осмотрел А. И. Герцена, о чем последний писал Н. П. Огареву: «Я Боткиным доволен без предела и конца, я ничего подобного не видал

*191180 Россия Санкт-Петербург, Лазаретный пер., д. 2.

его осмотру» [8]. С. П. Боткин настолько поразил его своим заботливым вниманием, умом и догадливостью, что А. И. Герцен своими впечатлениями поделился с друзьями и родными, называя его «гениальным доктором», «единственным разумным врачом» и подчеркивая, что «ясность его языка поразительна». Подтвердив наличие у А. И. Герцена диабета, С. П. Боткин объяснил сущность и причины болезни, назначил диету и посоветовал ему побывать на курортах, честно заявив, что не следует рассчитывать на полное излечение. Рекомендации С. П. Боткина очень помогли.

В числе пациентов С. П. Боткина были такие известные личности, как художник И. Н. Крамской, композитор М. А. Балакирев, писатель Ф. М. Достоевский. Каждый из них нуждался в консультации опытного диагноста, каковым уже считался С. П. Боткин. Ф. М. Достоевского ему пришлось консультировать всего несколько раз, а общение с М. А. Балакиревым и И. Н. Крамским, начавшееся с медицинского осмотра, продолжалось и дальше, перейдя в настоящую, крепкую дружбу.

Долгие годы М. А. Балакирев страдал нервной болезнью, характер которой врачи не могли установить и давали весьма противоречивые рекомендации, чем вызвали раздражение композитора. Лишь С. П. Боткин, к которому он обратился по совету друзей, произвел благоприятное впечатление на М. А. Балакирева, о чем он писал в письме к В. В. Стасову: «Сегодня я был в клинике у Боткина. На меня он произвел очень приятное впечатление» [9]. Уже после первой встречи М. А. Балакирев восторженно отзывался о С. П. Боткине и усиленно советовал В. В. Стасову: «Идите, идите к нему, он мастер; вчера я в 1-й раз принимал его лекарства и даже теперь как будто лучше себя чувствую» [10].

В. В. Стасов обратился к С. П. Боткину по поводу болезни Меньера, вызывавшей у него частые головокружения. Следует отметить, что и в настоящее время лечение этого хронического заболевания не всегда является успешным. По-видимому, С. П. Боткин не смог помочь своему именитому пациенту, так как расстроенный В. В. Стасов в письме М. А. Балакиреву сетовал: «Вторник и среду я был опять болен — лежал. Боткинские лекарства не помогают». К сожалению, избавиться от болезни В. В. Стасов так и не смог.

А на М. А. Балакирева, безгранично доверявшего профессиональной компетентности и врачебному чутью С. П. Боткина, рекомендованные лекарства и общение с врачом и его семьей оказывали самое благоприятное действие. В течение многих лет С. П. Боткин навещал М. А. Балакирева или давал согласие на приезд к себе, нередко приглашая не только самого композитора, но и кого-либо из его близких, проявляя при этом большую предупредительность. «Дорогой мой Милий Алексеевич! — пишет он в ответ на одну из таких просьб. — Всегда и во всякое время готов быть к услугам Вашим и Ваших друзей; выбор дня будет вполне зависеть от больного, которому я советую руководствоваться хорошей погодой, чтобы не попасть под дождь» [11].

Знакомство С. П. Боткина с замечательным русским живописцем И. Н. Крамским началось с обращения за помощью по поводу воспаления легких, болей в сердце, простуды и других болезней. Благодарный за оказанную помощь и доброе душевное участие И. Н. Крамской писал: «Я в него, как в Господа Бога верю» [12]. Когда же И. Н. Крамского стал мучить сухой, лающий «собачий» кашель, встречи их участились, и помощь С. П. Боткина оказалась очень своевременной. В благодарности художник написал портрет С. П. Боткина, получивший высокую оценку на очередной выставке «передвижников». Во взгляде С. П. Боткина сквозит острая наблюдательность, неустанная работа мысли, и у зрителя создается впечатление, что врач, закончив обследование больного, раздумывает над диагнозом.

В последние годы жизни И. Н. Крамской обратился к С. П. Боткину с жалобами на боли в груди и затрудненное дыхание, что навело того на мысль об аневриз-

ме аорты; диагноз подтвердился при вскрытии. Смерть И. Н. Крамского острой болью отозвалась в сердце С. П. Боткина, он писал: «Иван Николаевич был одним из моих самых старых пациентов: я с ним познакомился более двадцати пяти лет тому назад...» [13].

На протяжении многих лет С. П. Боткин уделял трогательное внимание выдающимся писателям Н. А. Некрасову и М. Е. Салтыкову-Щедрину, проявляя в тяжелые моменты их болезни терпение, сострадание, живое участие, обладавшие не меньшей целительной силой, чем самые действенные лекарства.

С Н. А. Некрасовым, стихи и поэмы которого знали и любили в их семье, С. П. Боткин особенно сблизился в начале 1876 г., когда поэт чувствовал себя сравнительно неплохо. Неизлечимая болезнь — рак кишечника — была установлена у него лишь год спустя.

Следуя советам С. П. Боткина и находясь под его постоянным наблюдением, Н. А. Некрасов лечился на юге, в Крыму, а осенью вернулся в Петербург, где фатальный диагноз был подтвержден профессором-хирургом Н. В. Склифосовским. Так как состояние поэта ухудшалось и он испытывал постоянные мучения, его прооперировал известный немецкий хирург Т. Бильрот. После операции, сидя у постели умирающего друга, С. П. Боткин печально смотрел на его бледное с желтизной лицо и думал о том, сколько еще нерешенных задач стоит перед медициной.

В течение многих лет С. П. Боткин лечил М. Е. Салтыкова-Щедрина. По словам сына писателя, С. П. Боткин был одним из самых близких друзей сатирика: «Этот знаменитый врач своими непрестанными заботами много содействовал продолжению жизни моего отца? Без Сергея Петровича и его ассистентов папа, можно сказать, за последнее время не мог прожить дня» [14].

За советом и помощью к С. П. Боткину нередко обращались его коллеги — профессора МХА П. А. Дубовицкий, Я. А. Чистович, В. Л. Грубер, А. П. Бородин, Е. И. Богдановский и многие другие. В поздравительном адресе (апрель 1882 г.), подписанном В. Л. Грубером, П. Ф. Лесгафтом и А. И. Таренеским, подчеркнута: «Одному из нас Вы уже два раза спасали жизнь, и он имеет все причины благодарить Провидение за то, что оно дало счастье пользоваться Вашей помощью» [15]. Действительно, дважды В. Л. Грубер болел тяжелой желчной коликой и рожистым воспалением, не надеясь на выздоровление, и неизвестно, что могло его ожидать, если бы не С. П. Боткин, почти не отходивший от пациента в самые тяжелые периоды болезни. Большую тревогу у С. П. Боткина вызывало также состояние здоровья профессора-хирурга Е. И. Богдановского, много лет страдавшего жестокими приступами стенокардии. Обследуя коллегу, он установил порок сердца, на фоне которого возникавшие приступы были особенно опасны, что в конечном итоге и послужило причиной смерти.

Пациентом С. П. Боткина был и студент МХА В. М. Бехтерев, который по его призыву отправился на русско-турецкую войну и несколько месяцев работал в санитарном отряде. По возвращении с фронта его свалила лихорадка [16]. Впоследствии В. М. Бехтерев, ставший выдающимся профессором психиатрии, с теплым чувством вспоминал беседы с С. П. Боткиным и его дружелюбное, внимательное отношение.

Необходимо отметить, что вмешательства С. П. Боткина тем не менее не всегда заканчивались успешно. Особенно трудно приходилось с пациентами, скептически относившимися к медицине, не верившими в ее возможности, настроенными негативно по поводу любых советов и рекомендаций. В числе таких пациентов был А. С. Даргомыжский, который заявлял: «Я еще допускаю, что доктор может лечить и вылечивать разные кожные болезни, например раны, язвы, нарывы, потому что он видит весь болезненный процесс. Но как он может знать, что делается в человеческом организме при какой-нибудь внутренней болезни?...» [17]. С большим

трудом друзья уговорили композитора обратиться к С. П. Боткину в связи с болями и тяжестью в груди, нарушениями сердечного ритма, о чем он писал: «Болезнь моя, кажется, усиливается. Послезавтра обещал быть ко мне Боткин. Будет ли от него толк — Бог ведает...» [17]. Целый год, регулярно навещая композитора, С. П. Боткин «курировал» его, но болезнь зашла слишком далеко, и вылечить его оказалось невозможно.

Вместе с тем большинство больных, даже тех, кто пользовался услугами своих домашних врачей, считали большим счастьем попасть на прием к С. П. Боткину. Из воспоминаний, дневниковых записей, писем известных деятелей явствует, что С. П. Боткин, выражаясь языком того времени, «пользовал» художника И. И. Шишкина, известного издателя А. С. Суворина, крупного государственного чиновника Н. А. Милютина, поэта Ф. И. Тютчева, химика А. М. Бутлерова, публициста Г. З. Елисеева, ученого-литературоведа А. Н. Пыпина, путешественника Н. И. Миклухо-Маклая, выдающегося юриста А. Ф. Кони и многих других, нуждавшихся в его внимательном взгляде, добром слове и разумном совете. К сожалению, документальные материалы, относящиеся к домашним врачебным приемам С. П. Боткина, кроме множества фамилий в его записных книжках и журнале записи, не сохранились.

Следует отметить еще один аспект врачебной деятельности С. П. Боткина, касающийся методики обследования пациентов. Так, приверженцы московской школы Г. А. Захарьина утверждали, что С. П. Боткин мало внимания уделял расспросу больного, ограничиваясь лишь его осмотром. Однако свидетельства учеников С. П. Боткина и его пациентов говорят об обратном. Публицист Р. Сементовский писал: «Добросовестность знаменитого диагноста, помню, меня поразила. Что он только ни продлевал со мною в течение часа: постукивал, выслушивал, клал на спину, клал и на живот, колол и острым и тупым концом булавки, заставлял бегать по комнате, ходить с закрытыми глазами по половице, расспрашивал меня обо всех обстоятельствах моей жизни, очень интересовался моими родителями и родственниками как в восходящей, так и в боковых линиях...» [18]. В результате обследования был поставлен точный диагноз (поражение мозжечка) и назначено адекватное лечение. С. П. Боткин считал необходимым не только расспросить больного, но и скрупулезно изучить его состояние. Целесообразность такого метода Ю. Т. Чудновский объясняет следующим: «Врач при этом, прежде всего, становится, так сказать, хозяином своего больного, он — натуралист, спокойно, без всякой предвзятой идеи исследующий своего больного, как химик, исследующий какую-нибудь соль. Не услышавши от больного ни слова, он по необходимости должен познакомиться с его организмом настолько подробно, насколько это возможно. А такое-то знакомство и необходимо для того, чтобы можно было дать отчет о настоящем состоянии» [19].

Прекрасно разбираясь не только в природе заболеваний, но и в психологии больных, С. П. Боткин порой находил оригинальные, но верные решения, давал совершенно неожиданные, но действенные советы. Пример тому — случай с профессором В. А. Манассеином, который, будучи уверенным в правильности поставленного им диагноза и назначений, тем не менее не достиг видимого успеха в лечении. Больной полагал, что его лечат неправильно, в результате улучшение не наблюдалось. С. П. Боткин, осмотрев пациента и убедившись в правильности лечения, рекомендовал В. А. Манассеину: «Все, что Вы даете теперь, надо давать и впредь. Ничего другого я посоветовать не могу. Но так как вода в Вашем

лекарстве совершенно безвредна, а ему хочется нового средства, прибавим сюда еще безвредной воды. Лекарство будет то же, только бутылка — больше, и это больного успокоит» [20]. Пациент принял «новое» лекарство, на следующий день почувствовал себя лучше и быстро поправился.

Говоря о практической деятельности С. П. Боткина, нельзя забывать и тот факт, что, уже будучи известным столичным врачом, он был назначен высочайшим приказом «почетным лейб-медиком Двора Его Величества с оставлением при занимаемых должностях». Это обстоятельство его не радовало, поскольку умножало число его недоброжелателей и отвлекало от исполнения основных обязанностей. Сначала члены императорской фамилии сравнительно редко прибегали к его помощи, однако, когда императрица Мария Александровна стала чувствовать себя хуже, был приглашен С. П. Боткин, так как ранее лечившие ее доктора не могли установить истинную сущность болезни и их назначения не действовали. Как обычно, С. П. Боткин приступил к своему традиционному клиническому осмотру — ощупыванию, выстукиванию, выслушиванию, т. е. самому тщательному и методичному изучению больной. Определив, что она страдает воспалением легких и, вероятно, начальной стадией легочной чахотки, С. П. Боткин рекомендовал отправиться в Крым, где благодатный климат послужит прекрасным дополнением к лекарственному лечению. Проникнувшись доверием к новому почетному лейб-медику, в сопровождении С. П. Боткина императрица выехала в Ливадию, где провела всю весну и лето и, следуя его советам, быстро поправилась. Необходимость постоянного врачебного наблюдения за императрицей вынуждала С. П. Боткина почти ежедневно навещать ее и каждый год несколько месяцев проводить с нею в Крыму и на различных курортах. С. П. Боткин тяготился придворной должностью, которая из почетной превратилась, по сути, в подневольную, тем более, что в 1875 г. высочайшим указом он был пожалован из почетного в официального лейб-медика с назначением состоять при императрице.

Несмотря на все предпринятые С. П. Боткиным усилия, в 1880 г. легочная чахотка привела к смерти императрицы. А когда 1 марта 1881 г. взрывом бомбы был смертельно ранен и умер Александр II, С. П. Боткин записал в своем дневнике: «Так и завершилось мое служение семейству Государыни, с которой началась моя деятельность при дворце». Однако его деятельность в качестве лейб-медика продолжалась, и он еще не раз являлся по вызову в Зимний дворец и в летние резиденции великих князей и княгинь [9].

Следует отметить, что еще при жизни императрицы С. П. Боткину как лейб-медику приходилось уделять внимание Александру II и его наследнику. В начале русско-турецкой войны (1877—1878) вместе с Александром II он выехал в действующую армию. Семимесячное пребывание С. П. Боткина в Болгарии было самым тяжелым временем, о чем он пишет в письмах оттуда, отмечая в последнем: «Мои нервы слишком натянулись за это время, чтобы сносить долее мое тяжелое положение лейб-медика. Обязанность врача мне никогда не может быть тяжела, но она иногда делается невыносимой в моем положении. В 45 лет лишиться самостоятельности, свободы действий, отчасти свободы мнений, слушать все, видеть все и молчать — все это не только бесполезно, но и вредно не для одного меня, но и в отношении моего медицинского дела» [21]. В этих словах лейб-медика излилась глубокая горечь человека науки и живой практической деятельности.

Весьма сложно перечислить имена всех современников С. П. Боткина, искавших в нем последнюю надежду, прибегавших к его врачебному опыту, внимательному взгляду искушенного диагноста, к его доброму, сердечному отношению, хорошо известному и обитателям княжеских особняков, и жильцам «петербургских трущоб». Большинству благодарных пациентов советы С. П. Боткина приносили выздоровление или облегчение, однако он не оставлял вниманием и тех, чье положение считалось безнадежным.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белоголовый Н. А.** Воспоминания и другие статьи. СПб.; 1901. 330.
2. РНБ (Российская национальная библиотека), отдел рукописей. Ф. 302, оп. 1, д. 6.
3. ПД («Пушкинский Дом» — Институт русской литературы РАН), отдел рукописей. Ф. 365, оп. 1, д. 13.
4. Александр Андреевич Иванов, его жизнь и переписка. СПб.; 1880. 322.
5. Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М.; 1961. 276, 325.
6. **Сеченов И. М.** Автобиографические записки. М.; Изд. АН СССР; 1945. 79, 64.
7. Научное наследство. М.; 1951; т. 2: 194.
8. **Герцен А. И.** Собр. соч. М.; 1964; т. 29, кн.: 439.
9. **Будко А. А., Шабунин А. В.** Великий Боткин. Сердце, отданное людям. СПб.: ВММ МО РФ; 2006. 50, 119—140.
10. Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. М.; 1936. 160—161.
11. РНБ, отдел рукописей. Ф. 41, оп. 1, д. 872.
12. Переписка И. Н. Крамского. М.: Искусство; 1954; т. 2: 64.
13. Труды Общества русских врачей. СПб.; 1889; т. 54: 176.
14. **Салтыков К. М.** Интимный Щедрин. М.; Пг.; 1923. 16.
15. ВММ МО РФ (Военно-медицинский музей МО РФ). Фонд С. П. Боткина, д. 64466.
16. **Бальдыш А.** Бехтерев в Петербурге—Ленинграде. Л.; 1979. 58—67.
17. **Даргомыжский А. С.** Автобиография. Письма. Воспоминания современников. Пг.; 1922. 168, 122.
18. Рус. старина 1912; т. 149: 109.
19. **Верекундов В.** Исторический очерк кафедры диагностики и общей терапии в Имп. ВМА. СПб.; 1898. 297.
20. **Беренштам В.** Из пережитого. Пг.; 1915. 160.
21. Письма С. П. Боткина из Болгарии. СПб.; 1893. 285.